

Повседневная жизнь российской провинции в XVII – начале XX в.

© 2010 г. Т. А. ЛАПТЕВА*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII веке

О повседневной жизни дворянства XVII в. по источникам известно чрезвычайно мало. Пока не удалось ввести в научный оборот ни одной описи (росписи) имущества провинциального дворянина и сына боярского того времени. Этот недостаток отчасти могут компенсировать сведения о поместьях московских чинов, которые по своему имущественному положению были близки к выборному дворянству «городов»¹. Как отмечает Д.А. Высоцкий, «дистанция между московским и городovým дворянством не так велика, и средние показатели их имущественного благосостояния вполне сопоставимы». Исследователь обращает внимание и на тот факт, что в среднем московское дворянство в середине XVII в. имело по 29 дворов крепостных крестьян². Однако провинциальное дворянство в среднем имело по 4 двора на протяжении всего века, и лишь к концу его наиболее зажиточные представители выборного дворянства владели 30–40 дворами. Поэтому, на мой взгляд, имущественное положение московского дворянства может быть сопоставимо только с положением дворянства выборного.

Десятни и другие учетные документы XVII в. дают достаточно объективное представление об уровне грамотности служилых людей. Дворяне и дети боярские «прикладывали руки» (подписывались) к своим «сказкам», т.е. сообщаемым ими сведениям о своей службе и земельных владениях. При получении денег они также должны были расписываться. Грамотными обязательно должны были быть окладчики и сотенные головы, для того чтобы прочитать и исправить в случае необходимости десятни и списки сотен. «Прикладывать руки» нужно было при выборах представителей на земские соборы, губных старост и других должностных лиц, при подаче коллективных и частных челобитных. Грамотность была востребована и при ведении судебных дел. К.С. Аксаков связывает распространение грамотности в Московской Руси именно с выборным началом: «Мы можем сказать, что выборное устройство, проникавшее всю Русь, без сомнения, способствовало распространению грамотности в простом народе»³. Если уж грамотными были простые люди, то дворяне, в том числе провинциальные, тем более должны были преуспеть в этом качестве. Однако мы видим достаточно большой разброс числа грамотных в разных «городах» и в разные периоды XVII в. Довольно высокий процент уровня грамотности в «городах» Тверского края показывают опубликованные В.Н. Сторожевым десятни 1621–1622 гг. В Зубцове грамотными были 4 человека из 12 выборных (1 человек отсутствовал), 18 человек из 46 дворовых (7 были на других службах и отсутствовали), 15 человек из 79 городовых (16 по тем или иным причинам отсутствовали). Из 7 новиков грамотными были только 2⁴. В Кашине из 9 выборных грамотными оказались все, среди 24 дворовых – 14 человек, из 94 городовых – 19 (при этом 29 человек или отсутствовали, или об их подписи не упоминалось). Из 15 новиков только 3 были грамотными⁵. В Бежецком Верху в 1622 г. грамотными оказались 2 выборных из 5 (1 человек отсутствовал), 8 дворовых из 18 (3 отсутство-

* Лаптева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

вали), 18 городских из 83 (19 человек были неграмотными, остальные при разборе не присутствовали)⁶. Уровень грамотности был выше в среде выбора и дворовых, многие грамотные дворяне и дети боярские были уже стары и даже увечны, а среди молодежи уровень грамотности был, наоборот, невысок, что объясняется, скорее всего, обстоятельствами предшествовавшего Смутного времени.

В 1676 г. в Рязани из 44 выборных грамотными были лишь 15 человек, в Окологородном стане из 28 дворовых – 7⁷, из 32 городских – 11⁸, в Перевицком стане из 11 дворовых – 4, из 14 городских – 3 человека. В Полицком стане из 68 человек грамотными оказались всего 7⁹, в Кобыльском стане из 257 – только 19, причем среди дворовых грамотных не было совсем. Эти показатели можно объяснить общей бедностью рязанцев. Грамотными часто оказывались представители одних и тех же фамилий, например, в Кобыльском стане – Филипповы, Ступины, Лихачевы, Перепелкины. Однако и в Рязанском уезде находились дворяне, которые начинали обучать своих детей и родственников грамоте с малых лет. Так, например, неверстаный сын боярский Окологородного стана Степан Микитин сын Лихарев в своей «сказке» объявил, что его брат Василий «живет на Москве, учится грамоте»¹⁰. Неверстаный Перевицкого стана Трофим Борисов сын Веселкин сообщил, что живет в доме с отцом, отец от службы отставлен, а брат Митрофан 5 лет «на Москве учится грамоте»¹¹. Обращает на себя внимание возраст Митрофана, так рано начинали тогда обучение. При этом сам Трофим не мог рассчитывать за себя, а семья имела всего 1 крестьянский двор. Учился в Москве грамоте и уже взрослый человек, Тарас Семенов сын Лихачев, представитель семьи Лихачевых из Кобыльского стана, в которой было много грамотных людей. По словам его дяди, Исаи Родионова, племянник его Тарас «живет на Москве, учится грамоте и бьет челом, чтоб ему быть в житье»¹². Обучение тогда начинали с чтения Часослова и Псалтыри, которую читали и учили наизусть по кафизмам. Например, сын В.Т. Выдомского писал отцу, что он учит десятую кафизму¹³. Обучение грамоте открывало перед провинциальными дворянами и детьми боярскими и карьерные перспективы, возможность повышения в чине и перехода на службу в Москву.

Об уровне грамотности свидетельствуют и подписи под коллективными челобитными. Например, в Костроме в 1648 г. таких подписей было 33, в 1658 г. – 48. В Галиче в 1683 г. подписались под челобитной 41 человек. Дают представление об этом и сохранившиеся «сказки» дворян и детей боярских. В сентябре 1677 г. такие «сказки» о своих поместьях и доходах с них подавали костромичи полка В.В. Голицына. Из 113 человек, подавших сведения, грамотными оказались 46, причем во многих случаях это было несколько представителей одного и того же рода – Пасынковы, Ямановы, Киленины¹⁴. Самый богатый костромич, владевший 25 дворами, Яков Иванов сын Полозов оказался грамотным, но вместе с тем грамотными были и люди, не имевшие крестьян и доходов с пустого поместья, например, Никон Леонтьев сын Баскаков¹⁵.

Дворяне и дети боярские во время службы и пребывания в Москве по делам вели переписку со своими семьями. 15 июля 1641 г. нижегородский сын боярский Прохор Колбецкий в письме к отцу рассказывал о московских событиях¹⁶. 6 июня 1659 г. рязанец Сидор Семенов сын Любавский отправил из-под Конотопа накануне известной битвы грамотку брату Федору Ивановичу. В ней он просил «не покинуть», позабиться о его «мужичонках», интересовался, каковы хлеба, рассказывал новости об осаде Конотопа и предстоящем штурме, о татарах и И. Выгодском, который, по его мнению, «безмочен перед государевыми людьми». Красочно описывал Любавский бедственное положение служилых людей: «А мы, братец, проелись и оголодали запасами. Жерновышка, кои у нас на Руси пометны в два алтына и в гривну, а мы купи в три рубля, и тех не добудешь. У сотова есть аржи и овса многа, толка емлем все кровью, мянем ловами людскими, безирестани рубят, в полон емлют»¹⁷. Известно также письмо брянского сына боярского Якова Васильева сына Похвиснева с описанием подготовки к службе и походу в Польшу. Точная дата письма не установлена, скорее всего, оно относится к началу XVIII в. Письма и грамотки хранились в семейных архивах. Тематика переписки не отличалась оригинальностью и иногда схожа с современной. Писали о здоро-

вье своем и близких, погоде, об урожае, о ходе судебных дел, пребывании на службе, просили о присылке тех или иных продуктов, вещей или слуг. Велико было почтение родителей и любых родственников, с их перечисления с прибавлением обращения «государь» или «государыня» начиналось любое послание.

Иногда в письмах встречаются философские рассуждения о службе, в том числе об отношении жены к пребыванию мужа на службе. Например, теще пишет Домне Григорьевне, жене находившегося в первом Крымском походе стольника Дмитрия Неелова: «Ведомо нам ... учинилось, что-де ты по муже своему Дмитрие велми в печали своей пребываешь, а довлеет тебе об нем, Дмитрие, молити в Троицы славимого Бога и Пречистые Его Богоматерь, а нашу христианскую заступницу, а не слезно плакати об нем. А что ты в печали по нем, Дмитрие, пребываешь, и то ты чинишь не гораздо, а он, Дмитрий, з братьями своими с Степаном, з Борисом, с Петром, принял от нас смиренных благословение, поехал на государскую службу милостию великого Бога все здорово. И сама ты про то знаешь, что не один Дмитрий на их государскую службу поехал, но и вся земля, а и наперед сего он, Дмитрий, по государскому указу на службах бывал не однежды, и ево, Дмитрея, он Создатель наш Спаситель Христос Бог милостию своею миловал, также и ныне помилован будет»¹⁸. Уезжая из Москвы на крымскую службу, сам Дмитрий Неелов 6 марта 1687 г. написал жене и послал ей «осетрика свежево» «во здравие есть» с детьми, 20 груш, 3 ветви винограда, «полоса арбузу в патоке 15 яблок»¹⁹. Но Домна Григорьевна, видимо, не зря плакала, провожая мужа в поход. Русские войска в первом Крымском походе понесли очень значительные потери, в первую очередь от голода и болезней.

Дворянство проявляло большой интерес к книгам, в том числе к собиранию книг. Об уровне грамотности и образованности в среде провинциального дворянства можно судить также по данным приходных книг книжной лавки Московского Печатного двора середины XVII в. Прежде всего дворяне стремились приобретать книги, необходимые в практической повседневной жизни, главным образом, Соборное Уложение. Из 1 173 книг Уложения (ценой 1 руб.), проданных в лавке в 1649–1650 гг., 400 экземпляров были приобретены провинциальными дворянами²⁰. Это был наибольший показатель среди всех других социальных групп. С.П. Луппов отмечал, что «дворянство было основным покупателем Уложения, приобрета почти половину (45.7%) всех проданных экземпляров книги»²¹. Исследователь, однако, не выделял из общей среды дворян провинциальных, а учитывал их покупки наряду с покупками дворян московских и других столичных чинов. Между тем простой подсчет их приобретений позволяет отдать им в этом пальму первенства. Те, кто требовал издания Уложения, будучи больше всего заинтересованными в таком законодательном сборнике, и приобретали больше всего желанных книг.

Книгу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (ценой 1 руб.) в 1650–1651 гг. покупали прежде всего люди московских чинов, стольники, московские дворяне, жильцы, знать, бояре, окольные, приказные люди (всего было продано 95 книг). Из провинциальных дворян книгу купили только рейтарского строя выборный Мирон Дубинин из Владимира, костромич Роман Бульчев и рейтарского строя Иван Жданов, который, возможно, также был провинциалом²². Следует отметить, что эта книга была нужна прежде всего начальным людям полков нового строя, которых в то время в среде дворян-провинциалов было немного.

Как известно, русские люди XVII в. были глубоко верующими, причем степень их религиозности зависела от уровня образования, которое в то время находилось полностью в ведении Церкви. Как правило, более образованные люди, стоящие на верхних ступенях социальной лестницы, были и более верующими. Об этом свидетельствует, в частности, количество икон и книг в дворянских усадьбах. Грамотность помогала почитать содержание церковных служб и выкать в смысле церковных книг. В описании имущества московского дворянина Юрия Митусова (1690 г.) книги, преимущественно духовного содержания, занимают немаловажное место: «Миня Опшея, мелкая печать киевская; Тредь цветная старинная, с юсами; Псалтырь печатная старова выходу; Псалтырь новова выходу; Часослов печатной; Канунник в коже в крас-

ной, уставом писан; Летапись печатная киевская; книга письменная Казанское взятие; книга письменная Гранограф; книга письменная Пафнутия Боравского чудотворца житие; книга печатная Максима Грека; книга письменная Родословная; книга письменная в коже из многих книг выписана; Святцы печатные киевские з житиями святых; Святцы письменные в коже; книга Уложенная печатная; книга Ефрема Сирина печатная; книга печатная о вере единой святой соборной и апостольской Церкви кафалицкой; книга печатная Цветник; книга Катихисин малой печатная; книга Часаслов печатной киевской; книга Диопр мязрезрительное зеркало; книга печатная о первенстве римском; книга письменная о старчестве; книга письменная о миропомазании; книга письменная Судебник; книга старинная певчая. И всех книг печатных и письменных дватцать семь... Да столпа тетрапей скорописных всяких, девяносто восемь тетрапей, да тетрадь печатная о благоверном стоянии в храме Божии, Букварь печатной киевской, Дванадсетные псалмы печатные, пять канунов, пять канунов уставных»²³. Книги в собрании Митусова были как рукописные, так и печатные, в том числе старопечатные и новых изданий.

Однако в приобретении книг духовного содержания дворянство значительно отставало от духовенства и торговых людей. Например, «Книгу о вере» в середине XVII в. приобрели всего 4 провинциальных дворянина – 2 из Коломны, 1 ярославец и 1 пошехонец (купил 2 книги), всего же было продано 111 книг. Толковое Евангелие купили только 2 провинциальных дворянина – костромич Иван Андреев (2 книги) и Богдан Федосеев из Звенигорода, всего было продано 126 книг²⁴. Пролог также приобрели 2 костромича (4 книги) и 1 казанец (2 книги), всего было продано 110 книг. Минеи месячные купили костромич Фадей Матвеев сын Бельский (за сентябрь, октябрь, февраль и июль в тетрадах) и лучанин Иван Неклюдов (26 книг в тетрадах за разные месяцы), всего же было продано 304 книги²⁵. Библия, впервые напечатанная в 1664 г., раскупалась очень быстро (1 456 книг), однако, по подсчетам С. Луппова, дворянство приобрело не более 13% всех книг. Одна из них досталась упомянутому выше Ю. Митусову, который в то время имел чин жильца²⁶. Среди этих 13% трудно выделить провинциальных дворян, но, я полагаю, Библию в то время приобрели не более 10 человек этой социальной группы²⁷. Такую невысокую активность провинциального дворянства в области приобретения печатных книг можно объяснить его общей бедностью и дороговизной печатных изданий. При этом многие из дворян были весьма начитаны в Священном писании и постоянно цитировали не только эти книги, но и произведения отцов Церкви. Так, например, И. Крюков пишет своему будущему родственнику Вихуле Ивановичу, что он «малоумен и Божественного писания не навичен, обаче и забытлив», однако при этом цитирует Иоанна Златоуста, называя его «великим светильником»: «Паки глаголю и глаголю не престану», также упоминает о том, что «по благодати Господа нашего Иисуса Христа по духу наречемся все братья»²⁸. Для многих писем характерен высокий стиль, пафосный слог, обилие упоминаний о предании своей судьбы в руки божественного Провидения: «Обретаюсь в живых и впредь уповаю на милость всещедрого Бога», «мы у себя в деревнишках ... обретаемся в живых, а впредь Христос волен»²⁹. Идущий на службу Яков Похвиснев просит родителей отслужить за него молебен³⁰.

Провинциальные дворяне неоднократно отправлялись паломниками в монастыри для того, чтобы помолиться и поклониться святым мощам. Этому придавалось большое значение во время болезней и при исцелении ран. Так, например, в 1642 г. новгородец Никита Чортов просил отпустить его помолиться в Соловецкий монастырь. Он сообщал, что во время Смоленской войны был ранен из пищали и болел 3 года, во время болезни обещал съездить помолиться соловецким чудотворцам. Хотя в том году и объявлена была служба на береговой черте в Туле, новгородцы распределялись по третям, и Чортов обещал успеть приехать на службу «в другую перемену». В марте 1642 г. новгородец Бежецкой пятины Гордей Дмитриев сын Маврин также просил отпустить его в Соловецкий монастырь для молитвы³¹.

Многие дворяне успевали исповедоваться и причащаться и во время службы, в дальних походах. В Разряде сохранился список бывших у исповеди и причащения святых тайн дворян и жильцов сотня кн. И.Г. Ромодановского в Петров и Успенский посты

в походе 1655 г. Исповедовались и причастились 2 дворянина и 10 жильцов, исповедовались, но не были у причастия 10 жильцов, не постились 1 дворянин и 43 жильца, против имени одного из них, кн. А.С. Шаховского, сделана приписка: «болеи»³². Таким образом, большинство сотни уклонилось от соблюдения необходимых обрядов. Можно думать, что исповедовались и причащались прежде всего раненые и больные, опасавшиеся смерти без покаяния, однако, с другой стороны, болезнь могла помешать соблюдению поста. Нет свидетельств о том, как соблюдались посты в других сотнях, в том числе сотнях провинциальных дворян, однако можно предположить, что соотношение постившихся и не постившихся в них было примерно одинаковым.

Несмотря на то, что дворяне были верующими, иногда истово, они относились к своим крестьянам как к живому товару, не стесняясь их продавать, закладывать, передавать в наследство или по рядной записи оплачивать крестьянским имуществом и дворами свои долги. Многие исследователи полагают, что в русском обществе XVII в. понятия личной чести, в отличие от родовой, не существовало. Другие считают, что понятие чести «проникало во все служилое сословие почти до самых его низов»³³. Род и родители действительно играли немаловажную роль в положении на иерархической лестнице и, следовательно, степени «честности» того или иного лица. Оскорбление служилого человека воспринималось как оскорбление его родителей и наоборот. В середине века при написании по выбору иногда требовалось подтверждение принадлежности выборного к определенному роду. Так, например, в январе 1650 г. челобитную о написании по выбору подал новоторжец Пимен Савельев сын Орлов. Он писал, что проходит рейтарскую службу с окладом в 350 четвертей, по дворовому списку служит 18 лет, «а родители мои, Белемишевы и Орловы, служат тебе, государю, в стольниках, и в стряпчих, и во дворянях по московскому списку». П. Орлов указывал на свою службу в Ливнах и Белгороде при строительстве Белгородской черты. На подлиннике челобитной имелась подпись Андрея Васильева сына Орлова, Федора Григорьева сына Орлова, Дмитрия Иванова сына Орлова, Бориса Иванова сына Орлова, которые свидетельствовали «в том, что он, Пимин, наш Орлов»³⁴. Такие подтверждения, вероятно, стали требовать в связи с поступлением челобитных о проникновении в выбор неродовитых людей.

Особенно заботились о чистоте своих рядов новгородцы. В декабре 1642 г. новгородец Деревской пятины Н. Мещерский подал челобитную с жалобой на вновь поверстаных в 1641 г. по той же пятине Якими и Льва Аристовых, которые, по его мнению, ложно назвались детьми боярскими, утверждая, что дед их, Дмитрий Гурьев сын Аристов, служил по смоленскому списку. На самом же деле, как утверждал Мещерский, они были сыновьями крестьянина Аркажа монастыря Куземки (прозвище Собинка) Дмитриева и так записаны в монастырских книгах. Мещерский требовал исключить их из списков («по их искони вечной крестьянской природе») и назначить расследование, полагая, что они «искупили» себе запись в десятне в детях боярских, чтобы «с родители своими твоей государевы службы не отбыть». В феврале 1643 г. из Разряда в Новгород была отправлена грамота по этой челобитной с предписанием «сыскать», действительно ли такой факт имел место³⁵. В 1643 г. челобитную аналогичного содержания подал новгородец Волдской пятины Иван Колобов о вновь поверстаных в Новгороде детях псковского посадского человека Воина Бутырского, Федоте и Иване, которые с этой целью даже подделали текст новгородской десяти 1606 г. и назвались детьми Воина Осеева. По этому поводу была подана и коллективная челобитная новгородцев. После проведения расследования в Разряде было решено вычеркнуть имена этих Осеевых из десяти и списков, о чем в августе 1643 г. также отправили грамоту новгородскому воеводе³⁶. В 1678 г. воевода Великих Лук И. Нащокин излагал содержание присланного ему из Разряда указа: «Велено ... Новгородского полку городов у дворян и у детей боярских полковые службы и розных строев у нетчиков полку касимовского царевича Василья Араслановича с товарищи, которые по последнему смотренному списку ... написаны в нетех, отнять чести, у выборных выбор, у дворовых дворовой (курсив мой. – Т.Л), да у них же, выборных и у дворовых, убавить окладов»³⁷. Как видим, выборный и дворовый чины воспринимались как честь, а неупоминание их, или «прописка», – как

бесчестие. Как бесчестие воспринималось и назначение (выбор) на ту или иную службу, например, в нарядчики или знаменщики не в соответствии с социальным положением. В 1638 г. новгородец Я. Зверовский жаловался на то, что его выбрали в нарядчики, а он имеет дворовый чин и никогда в таких «позорных статьях» не был. Причиной такого выбора и недоброжелательности к себе Зверовский считал обычную зависть. Он был на службе под Смоленском, ранен в бою и взят в плен, где провел полтора года. По выходе из плена Зверовский был пожалован по дворовому списку и «поместным окладом». Теперь же его «семьями и заговорами по недружбе, которые з твоей государевы службы съехали ис-под Смоленска, рняяся тому, что я, холоп, за службишко пожалован, а они не пожалованы, и мимо, государь, прежних нарядчиков и знаменщиков выбирают во всякие позорные статьи»³⁸. Отсутствие понимания в Новгороде заставило Зверовского даже переписаться по Владимиру, где у него было поместье.

Смоленская служба вообще порождала много зависти и недоброжелательства в «городах». Вопрос о том, кто как вел себя под Смоленском, продолжал обсуждаться спустя годы. В июне 1638 г. приехавшие в Москву для отправки на береговую службу новгородцы, «подсмоленские осадничьи сидельцы» (11 человек), подали челобитную с жалобой на новгородца же Степана Елизарьева сына Корсакова, который называл их изменниками, целовавшими крест польскому королю, в то время как они находились под Смоленском до 19 февраля, до отхода войск боярина М.Б. Шейна. Сам же Степан, писали они, уехал со службы из-под Смоленска раньше, «подговоря с собою многую свою братью, а прожитком и животами он, Степан, у нас лутчей во всем городе». Таким образом, Корсаков не пожелал служить, имея для этого все экономические возможности. Челобитчики просили об очной ставке и допросе Степана, в чем заключается их измена, заметив при этом, что они приехали на службу в срок, в то время как Корсаков приехал после срока³⁹. Очная ставка и допрос состоялись в Разряде 15 июня. Корсаков сказал, что ему до «осадных сидельцев и дела нет», изменниками он их не называл, вражда же у него только с Иваном Судаковым, который его самого назвал изменником и хотел зарезать ножом. Корсаков заметил, что как он может быть хуже тех, кто целовал крест польскому королю в том, чтобы «2 месяца с ним не биться». Обе стороны сослались на своих свидетелей⁴⁰. Чем закончилось дело, неизвестно, вероятно, примирением сторон, однако в этом случае новгородцы защищали именно свою личную честь как участников Смоленской войны.

В коллективной челобитной с жалобой на боярина и воеводу С.А. Урусова 1656 г. дворяне и дети боярские обращали внимание на то, что боярин их бесчестит, называя «не слугами и не бойцами». Как бесчестие воспринималось, судя по содержанию челобитной, и наказание, во всяком случае, без вины, кнутом, плетью, ослопьем⁴¹ и батогами. Самого же боярина дворяне бесчестили утверждением, что он не носил оружия, а ездил с одной тростью и боялся пушечной стрельбы⁴².

Отсутствие на службе или побег с нее могли стать основанием для оскорбления и бесчестия того или иного лица. В этом случае название «беглец» воспринималось именно как личное бесчестие. В январе 1666 г. из Пскова по челобитью был отпущен ротмистр рейтарского строя Панкратий Тимофеев сын Перский для женитьбы на сестре новоторжца Ивана Федорова сына Тыртова. Отпуск ему был дан на месяц, по 22 февраля 1666 г. Однако Перский задержался в отпуске до апреля, в связи с чем на него подал донос новоторжец Федор Романов сын Языков, назвав его «беглецом». Между ними произошла драка, однако затем, после того, как Языков узнал причину отсутствия Перского на службе, они помирились и принесли мировую челобитную⁴³.

Как бесчестие воспринималось иногда сотенными головами и назначение на службу с тем или иным воеводой, которого они считали «хуже» себя. В мае 1635 г., например, второй воевода полков, собиравшихся в Переяславле Рязанском, Дмитрий Остафьев жаловался на сотенных голов рязанцев П.Н. Нихарева, Д.А. Таптыкова и А.Ф. Сатина, которые, получив сотенные списки из рук воеводы Д.П. Львова, отказались возглавить сотню, так как посчитали для себя заторным служить под руководством Остафьева. Они «лаяли» его в съезжей избе, называя «хуже себя», хотя сами должны были служить не в

его полку, а в полку Львова. Кроме того, упомянутые дворяне рязанцы собирались подать челобитную с жалобой на Остафьева и для этого обратились, как он писал, к родовитым людям Чевкиным, Волконским, Кобяковым и другим, надеясь заручиться их поддержкой⁴⁴. В полку товарища первого воеводы кн. Д.П. Львова отказались служить в 1645 г. воротынцы Гаврила, Матвей и Павел Тургенева и просили даже отпустить одного из них в Москву «побить челом», потому что «преже ... мы, холопы твои, с большими воевода бывали, с товарищами не бывали»⁴⁵. Частыми были и отказы служить в том или ином полку или даже в половине «города» вследствие «недружбы». Так, например, в 1645 г. выборный арзамасец Никита Емельянов сын Григоров, служивший ранее 19 лет в «житье» и написанный по Арзамасу по выбору всего год назад, просил написать его на службу в первую половину, поскольку в другой половине «арзамасцы дворяне есть мне недруги, с Семеном Исуповым сошлась у меня недружба, а за Григорьем, государь, Нетесевым, живут беглые мои крестьянишка, и о тех, государь, беглых моих крестьянишках есть мое на него челобитье. И за то, государь, они меня, холопа твоего бессемейно-ва, хотя напрасно затеснить». 4 февраля 1645 г. эта просьба была удовлетворена⁴⁶.

Бесчестием считались и ругательства в адрес конкретного лица. В 1635 г. муромец Иван Григорьев сын Лупандин подал челобитную на муромца же Никифора Петрова сына Дурасова, которого называл своим «кашехлепцем», т.е. приятелем, часто бывавшим у него в доме. На пути со службы из Одоева домой Лупандин доверил Дурасову сумки с товарами, купленными в Москве: ткань (киндяк) ценой в 1,5 руб., шапка мужская такой же цены и шапка женская атласная ценой 3 руб. Дурасов «прислал ... из двора ко мне сумки порожние, а тое рухледи не отдал ... учал меня лаять всякою неподобною лаею». Лупандин просил «дать суд на Дурасова в бесчестье»⁴⁷. По поводу нанесенного бесчестия предпочитали обращаться в суд, а не пытаться искать удовлетворения с помощью оружия, что было связано прежде всего с запретом Церковью на поединки и боязнь умереть без покаяния.

Предметы окружающей обстановки в поместьях провинциального дворянства в источниках упоминаются чрезвычайно скупо. В каждом поместье или вотчине существовал «двор помещиков» или «двор вотчинников», рядом с которым находился «двор людской», т.е. место, где жили слуги. Помещик и слуги могли жить в одном дворе только в случае крайней бедности помещика. Например, в поместье новгородца Федора Ушакова (1677 г.) имелось «хором две избы, да повалуша⁴⁸ о дву житях⁴⁹, да три анбара хлебных, да клеть, да напогребник, да ворота». Стоило это «дворовое строенье» 35 руб.⁵⁰ Повалуша и горница с комнатой на жилом подклете иногда соединялись сенями, к сеням пристраивались чуланы. Во дворе помимо хозяйственных построек имелись также конюшни, поварни, бани (мыльни). Все строения в помещичьей усадьбе были, как правило, деревянными, иногда достаточно высокими, в 3–5 этажей. Каменные палаты могли себе позволить только богатые бояре, другие высшие чины и дьяки. Двор был огорожен деревянным бревенчатым забором. Иногда дом владельца поместья или вотчины был крыт соломой, так же, как и крестьянские избы, но чаще покрытие было тесовым. В отличие от крестьянских изб топился господский дом «по-белому», т.е. имел печь с трубой и деревянные, а не земляные полы. Внутри дома на голых бревенчатых стенах висели предметы вооружения хозяина: кольчуга, шишак (вид боевого шлема), лук с саадаком, карабин, сабля. Вдоль стен стояли деревянные ланки и сундуки, на которых спали. Столы были дощатыми некрашеными, стульев не было⁵¹. Только в конце XVII в. наиболее богатые представители знати стали приобретать для своих домов стулья, кровати, зеркала, а также обивать стены различного рода тканями. В усадьбах они строили мосты, решетчатые ограды, разводили сады, где выращивали яблони, груши, сливы, малину, смородину, цветы гвоздики и проч.⁵²

В углу перед образами горела лампада. Иконы имелись во всех помещениях, однако лампады перед ними зажигались не всегда, только в дни праздников. О том, какие это были иконы и сколько их могло быть, дает представление духовное завещание Ю. Митусова 1690 г.: «Образ Пречистыя Богородицы Карсуньския в кюте, оклад серебряной резной, позолочен, венеч резной, позолочен, у Спасова образа и у Богородицына оже-

релья в орефет⁵³ да серьги с зерны бечета⁵⁴, крест в серебре с зернами жемчужными, благословляю сына своего Стефана; образ Всемилового Спаса в киоте в древяном, оклад серебряной гладкой с трубами, позолочен, венец резной, позолочен... образ Пречистыя Богородицы Треручицы в киоте с притворы, оклад серебряной, позолочен, гладкой, венец с каруною, с каменьи и з жемчюги, ожерелья у Богородицы и у Спаса жемчужные в орефите... образ Пречистыя Богородицы Одегитрия Смоленская, оклад серебряной, вызолочен, венец резной с керуною и с каменьем, на полях Фрола и Лавра... образ Иоанна Богослова, оклад серебряной басманной⁵⁵, позолочен, венец серебряной резной, позолочен, на стороне Сергей чудотворец... образ Александра Свирскаго чудотворца, оклад серебряной басманной, позолочен, венец серебряной резной, позолочен, наверху Живоначальная Троица... образ Георгия Страстотерпца, оклад серебряной басманной, позолочен, венец резной, позолочен... образ Рождества Пречистыя Богородицы со многими святыми, венцы серебряные, позолочены, наверху Спасов образ, венец серебряной резной позолочен... образ трех святителей – Петра, Алексея, Ионы, – венцы и гривны серебряные резные, позолочены... образ Пречистыя Богородицы Покрова, венец и гривна серебряные, позолочены, з дванадесетными празники, в киоте в жестном за сладюю... образ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины неокладной... образ Николая Чудотворца, да Дмитрея Прилуцкого чудотворца, да Екатерины Христовы мученицы, да Ортемия Веркольскаго чудотворца, венец и гривна серебряные, позолочены... да складни тройные на кипарисе, Воскресение Христова, да на стороне образ Пресвятыя Богородицы Карсунския, у Богородицы ожерелья и у Спаса, да на другой стороне многих святых, оклады серебряные резные, позолочены, да и венцы серебряные резные позолочены... образ Николая Чудотворца каменной в серебре... образ Знаения Пресвятыя Богородицы, венец серебряной басманной, позолочен⁵⁶. Конечно, не все провинциальные дворяне могли позволить себе так много икон, и не все из них были с серебряными позолоченными окладами, однако несколько икон, оправленных серебром, имел любой провинциальный помещик. Оклады с драгоценными камнями были лишь у единиц, но украсить иконы жемчугом мог дворянин и со средним достатком.

В домах дворян имелись ковры, «полсти» и попоны из шкур различных животных, в том числе медведя. Некоторые из них использовались для выездов в санях и довозках. В домах пользовались перинами, подушками, одеялами, покрывалами, наволочками, простынями. У достаточно богатых дворян простыни могли быть с «немецкими кружевами». Повседневная посуда – блюда, тарелки, кружки, кувшины, стаканы – была в основном оловянной. Имелись и серебряные вещи: кубки, братины, чарки, ложки. Кухонная посуда – сковородки, котлы, лохани, тазы, енды⁵⁷ – была, как правило, медной. Медными были подсвечники (шандалы), использовавшиеся для освещения помещений. Находилась в помещицком доме и посуда для изготовления вина (водки) и пива: медные винные котлы с трубами и железные котлы для варки пива.

В поместье, как правило, были лошади. Так, у новгородца Василия Дубровского в 1674 г. конфисковали 11 лошадей ценой 33 руб. 13 алтын 2 деньги. Некоторые помещики, например, нижегородцы, в середине века имели собственные конские заводы. Кроме лошадей в поместье или вотчине держали коров, телят, коз, овец, свиней, кур и других домашних птиц. Для них строились конюшни, коровники, загоны, стойла. У многих помещиков были улья. Сеяли в поместьях и вотчинах рожь, овес, пшеницу, ячмень, горох, лен, коноплю⁵⁸.

Об одежде провинциальных дворян существует мало сведений. Например, рязанец Степан Волков зимой, на Рождество, был одет в «зипун лазорев настрафил⁵⁹, цена четыре рубли, да кавтан зачий под зеленым сукном, цена 3 рубли с полтиною, да шапка вишневая с лугом, цена полтора рубли, да сапоги сафьянные, цена полтина, да доломан обинной⁶⁰, цена два рубли»⁶¹. Новгородец Тимофей Бестужев, приехав в Москву, имел при себе чемадан с платьем, «крухлядью» и деньгами, из которого, по его словам, украли 20 руб., «три камки, цена по три рубли с четвертью, да соболь, цена два рубли, да лисяца, цена рубль»⁶². В 1690 г. галичанин Макар Писемский подал в суд на мешанина Петра Матвеева, который держал «постоялую избу». Писемский не раз уже останав-

ливался в этой своего рода московской гостинице XVII в. Однако на этот раз, когда он отправился к заутрене, у него был украден чемадан с одеждой и документами. В чемадане, судя по росписи, находилось: «денег пять рублей, серебра ломанова 20 золотников, да две государевы жалованные грамоты за висльми красными печатями царя Ивана Васильевича, да две выписи помесные, да кобала, памятей заемных на пятнацать рублей, и записей, всяких письменных крепостей пропало много, платья кавтан теплой, сукно коричное, мех лисей хрелтовой, цена пятнацать рублей, кафтан сукной зеленой холодной с нашивкою золотною, цена осмь рублей, да кафтан китайной холодной, цена два рубли, шапка бархотная с сободем, цена два рубли, сапоги сафьянные – одне красные, другие зеленые, цена рубль, сафьян красной, цена тритцать алтын, завес выбойчетой, цена четыре гривны, да ключи подголовешные да погребцовые, рубаха да портки, цена десять алтын, чемадан четыре гривны»⁶³. Писемский, вероятно, приехал в Москву для решения в суде своего поместного дела, а возможно, и для взыскания долгов. Во всяком случае, интересно, что у него в чемадане были столь древние (еще времен Ивана Грозного) жалованные грамоты. Как видим, гардероб этого небогатого провинциального дворянина включал в себя 3 сменных кафтана, для холода и тепла, в том числе 2 суконных, 1 на лисьем меху, 2 пары сапог, перемену нижнего белья. Также имелась неизменная шапка с сободем. Ломаное серебро он, возможно, предполагал использовать для разного рода подношений. Писемский одет был гораздо лучше, чем рязанец Волков, который носил заячий кафтан за 3 руб. с полтиной. Сапоги стоили тогда, как видим, совсем недорого, всего полтина за пару. Впоследствии ответчик, указывая на расхождения в показаниях истца, отмечал в описи украденного также пуговины шелковые «с снурком» у коричневого кафтана, пуговицы серебряные золоченые у зеленого кафтана, соболой околыш, рукавицы лосиные⁶⁴.

На службу дворяне и дети боярские одевались более скромно, учитывая то, что ехать туда им приходилось иногда по грязи. Брянский сын боярский Яков Похвиснев упоминал о том, что для службы он приобрел камзол⁶⁵ и кафтан купит «серой служивой, в грязь таковской дорогой итить»⁶⁶. Необходимы были также суконные штаны. Похвиснев для похода купил лошадей и телегу. Между тем многие служилые люди во время скорых сборов на службу не брали с собой телег, а ехали налегке, «со вычищками». Не брали они подчас и перемену платья, так что в зимнее время бывало так, что у них «и з грязи платьишко огнило, а с лютых морозов около огней и последним платьишком обожглись»⁶⁷. Вплоть до конца XVII в. служилые люди в походах использовали куяк – доспех из материи и кожи с нашитыми металлическими пластинами, иногда подбитый ватой с набитыми медными гвоздями⁶⁸.

Зимой дворяне и дети боярские носили шубы или «шубные кафтаны». Верх их был суконным или из других тканей, а изнанка подбивалась мехом, как правило, лисим или заячьим. Бараньи шубы были только у крестьян. О том, какое платье и какие украшения носили жены, сестры и дочери провинциальных дворян, дают представление рядные и створные записи. Например, в 1690 г. арзамасцы Александр и Василий Петровы дети Воронцовы «сговорили» свою сестру Анну замуж за арзамасца же Семена Петрова сына Малахова: «а благословля мы сестру свою образом Воскресения Христова в окладе да образ Пресвятыя Троицы в окладе ж, да приданова платья, да ему шупку камчатную холодную с пуговицы серебряными позолочеными да круживо серебряное, да шупка кумачная на зайцах с круживом мишурным, да шупка киндяшная зеленая на зайцах с кистьми, да треху камчатой куней; два кузни: крест серебряной да серьги позолоченные двойчатки, да перина з головьем, да приданных людей: Петрунька Иванов сын з женою Огашкою и да з дочерью Акилинкою, а он, Петрунька, в бегах, а жена ево и дом в лицах. Да вдова Уляшка Кирилова дочь с сыном Терешкою да з дочерью Прасковкою да с Палашкою, да крестьянин Ондриушка Козмин з женою Катешкою да с сыном с Петрушкою да с Панькою, да з дочерью с Парасковкою и с ево крестьянскими животы, с хлебом стоячим и с молочным, что посаел к нынешнему ко ста девяностиа осмому году, и з дворовым строем; да вместо приданова платья даю ему в бегах вдову Дуньку Митрофанову дочь да сына ее Силку Яковлева сына»⁶⁹. Как видим, приданое

было достаточно скромным, однако в нем присутствовали неизменные иконы, верхнее платье и серебряные позолоченные украшения. Как правило, в более богатых семьях к ним еще добавлялась серебряная цепочка, серьги с камнями, серебряные перстни, шитые золотом и серебром кокошники⁷⁰.

Сохранилась «роспись переписная животом ссыльного сына боярского Ивана Сухотина», который в 1657 г. обвинялся в похищении имущества умершего дьяка Федора Порошина. Роспись включает в основном предметы одежды: «охобень»⁷¹ изуфор⁷² дымчатой, нашивка хамзянная; япанча⁷³, сукно смурое, без нашивки; япанча, сукно песочной цвет, нашивка длинная з золотом шелковая; шапка вершек бархат вишнев, с соболем без петель; шапка, сукно голубой цвет с пухом, петли жемчужные; шапка, сукно коричной цвет с пухом, петли жемчужные; шапка сукно коричной же цвет, с пухом без петель; кафтан проезжей теплой корчачей под стамедью⁷⁴ вишневою, нашивка снурок втишной шелк зеленой з золотом; два опашни⁷⁵, сукна червчатые с пугвицы серебряными, под однем подпушка камка⁷⁶ желтая, а другой подпушен дорогами⁷⁷ темно-зелеными; ферези⁷⁸ муские теплые белы под дорогами двоеличными, нашивка кизылбашская; ферези ж холодные дорогильные голубой цвет, нашивка кизылбашская; летник⁷⁹ дорогильной лазоревой цвет, вошвы участок золотной; летник червчатой камчатой, вошвы участок серебряной; кафтан теплой черевей лисей под дорогами зелеными, пугвицы серебряные позолочены; однорядка⁸⁰ сукно вишневое, пугвицы серебряные позолочены; доломан, сукно коричной цвет, пугвицы серебряные позолочены; дылея⁸¹ турецкая сукно голубой цвет, нашивка втышная шелк вишнев; шувай⁸² дорогильной зеленой, снурок золотной; телогрея дороги червчаты холодная, пугвицы оловянные; охобень изуфрь вишневая, нашивка кизылбашская, подпушка дороги полосатые; шуба женская теплая черевьи лисьи под дорогами алыми, пугвицы серебряные позолочены, кругом шубы круживо окованое золотное; шуба лисьи лапки под отласом червчатым, кругом шубы круживо широкое кованое золотное; ожерелье бобровое накладное; штаны сукно багрецовое червчатые; шапка мисюрка⁸³, пара пистолей, оправа серебряная; наручны с надоланками⁸⁴,⁸⁵. Здесь перечислена достаточно дорогая одежда с использованием золотого и серебряного шитья, лисьих и соболиных мехов, бархата, жемчуга, серебра. Однако Иван Сухотин в Астрахань был сослан, вероятно, с понижением чина, а до этого был либо выборным дворянином, либо имел московский чин. Кроме того, в деле упоминается о перстне на руке Сухотина, который он использовал в качестве личной печати⁸⁶. Такое предназначение перстней было характерно для повседневной жизни того времени не только дворянства, но и купечества.

Повседневная жизнь провинциального дворянства менялась в соответствии с общими изменениями менталитета и бытовых представлений в стране. Постепенно повышалась потребность в грамотности, обучении, началось собирание библиотек, в основном, конечно, книг духовного содержания. Самые богатые гнались за модой, приобретая модную одежду и обувь, предметы мебели, устраивая в своих усадьбах сады и пруды. Вместе с тем изменения происходили медленно и затрагивали небольшой процент дворян и детей боярских «городов». Основная же масса служилых людей на местах была неграмотной, и хотя обращала большое внимание на вопросы веры и чести, собирала семейные архивы, но интересы ее в основном сосредотачивались вокруг урожая и цен на зерновые и скот. Впрочем, подобное положение с теми или иными нюансами было характерно и для следующего века.

Примечания

¹ Имеются в виду служилые «города», представляющие собой уездные корпорации дворян и детей боярских. Они разделялись на 3 чина: высшим был выбор (дворяне), затем шли дворовые дети боярские, и низший чин имели городовые дети боярские.

² *Высоцкий Д.А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства в XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 35.

³ *Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 234.

⁴ *Сторожев В.Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 1. Тверь, 1891. С. 35–102.

⁵ Там же. Вып. 3. Тверь, 1894. С. 5–39.

⁶ Там же. Вып. 4. Тверь, 1895. С. 61–100.

⁷ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 66 (Книги Владимирского стола), № 14, л. 270–287 об.

⁸ Там же, л. 288–309.

⁹ Там же, л. 603–643.

¹⁰ Там же, л. 196 об.

¹¹ Там же, л. 562 об.–563.

¹² Там же, л. 812.

¹³ Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969. С. 84.

¹⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9 (Столбцы Московского стола), № 216, л. 289–357.

¹⁵ Там же, л. 302, 311.

¹⁶ *Смирнов П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. [М.], 1915. С. 16–17.

¹⁷ *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых. Ч.1. Рязань, 1912. С. 61–62.

¹⁸ Грамотки XVII – начала XVIII в. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 119.

²⁰ Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Л., 1983. С. 53–88.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 127, 128, 131.

²³ РГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 2, д. 4086, л. 2.

²⁴ Читатели изданий Московской типографии... С. 89, 90, 92, 112, 113.

²⁵ Там же. С. 120, 123.

²⁶ Там же. С. 149.

²⁷ Там же. С. 132–157.

²⁸ Грамотки XVII – начала XVIII в. С. 39–40.

²⁹ Там же. С. 58, 60.

³⁰ *Алексеев В.* Брянские люди XVII века. Брянск, 2001. С. 55.

³¹ РГАДА, ф. 210, оп. 11 (Столбцы Новгородского стола), № 316, л. 737–738.

³² Там же, оп. 9, № 254, л. 570–571.

³³ *Новосельский А.А.* Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 190; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. С. 132.

³⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 6в (Книги Новгородского стола), № 31, л. 108–108 об.

³⁵ Там же, оп. 11, № 316, л. 683–692.

³⁶ Там же, л. 740–750.

³⁷ Там же, № 259, л. 451.

³⁸ Там же, № 83, л. 39.

³⁹ Там же, л. 61, 64–64 об.

⁴⁰ Там же, л. 65.

⁴¹ Ослон – дубина, острый конец которой был утыкан острыми железными шипами или окован железом.

⁴² Челобитная Новгородского разряду ратных людей на боярина и воеводу на князя Семена Андреевича Урусова и на столника князя Юрья Барятинского, росписана статьями, и под теми статьями розметы государевы, 164 году // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского Археологического Общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 669.

⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 11, № 257, л. 7–11.

⁴⁴ Там же, оп. 9, № 107, л. 207.

⁴⁵ Там же, № 199, л. 151.

⁴⁶ Там же, л. 49–49 об.

⁴⁷ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 173.

⁴⁸ Пovalуша – неотоптаиваемое помещение на подклете с горницей.

⁴⁹ Этажак.

⁵⁰ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 6, (1678 г.), д. 69, л. 2.

⁵¹ *Алексеев В.* Указ. соч. С. 52.

- ⁵² Кузнецов В.И. Дворянская усадьба в структуре сельских поселений Российского государства // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1989. № 6. С. 52–59.
- ⁵³ В рефедь (арефедь, орефидь, рифидь) – ромбами, в косую клетку.
- ⁵⁴ Бечета (бечата, бичета) – самоцветный красный камень: яхонт, лал, рубин либо гранат.
- ⁵⁵ Басма – тонкий образной оклад.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 159, оп. 2, д. 4086, л. 1.
- ⁵⁷ Ендова – низкая большая братина для пива, браги, меда.
- ⁵⁸ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: Существование и противостояние. М., 2005. С. 85–97.
- ⁵⁹ Настрфиль – сорт сукна.
- ⁶⁰ Доломан – длинная верхняя одежда; обинной – из грубого сукна.
- ⁶¹ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1662 г.), д. 15, л. 15.
- ⁶² Там же, оп. 6 (1678 г.), д. 83, л. 9.
- ⁶³ Там же, оп. 7 (1690 г.), д. 255, л. 1.
- ⁶⁴ Там же, л. 48–52.
- ⁶⁵ Камзол – одежда без рукавов, напоминающая жилет.
- ⁶⁶ Алексеев В. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 9, № 310, ст. 6, л. 1, 2.
- ⁶⁸ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 20. М., 1948. С. 36.
- ⁶⁹ Сговорные и рядные записи последней четверти XVII ст. и первой четверти XVIII ст. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XII. Вып. 1. Нижний Новгород, 1912. С. 74.
- ⁷⁰ Там же. С. 75.
- ⁷¹ Охабень – верхняя длинная мужская одежда с четырехугольным воротником.
- ⁷² Изуфрь – сорт шерстяной ткани.
- ⁷³ Епанча (япанча) – род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов.
- ⁷⁴ Стамедь (стамед) – род шерстяной ткани.
- ⁷⁵ Опашень – мужская и женская верхняя летняя одежда свободного покроя с рукавами и на подкладке.
- ⁷⁶ Камка – китайская шелковая цветная узорчатая ткань.
- ⁷⁷ Дорога – восточная шелковая ткань.
- ⁷⁸ Ферезь – мужское длинное платье без воротника.
- ⁷⁹ Летник – род женской одежды.
- ⁸⁰ Оdnорядка – верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки.
- ⁸¹ Дылея – род длинной одежды.
- ⁸² Шувай – род кофты с рукавами.
- ⁸³ Мисюрка – род шлема с железной верхушкой и сеткой.
- ⁸⁴ Надолонки – род военного доспеха для защиты ладоней.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1657 г.), д. 43, л. 33–35. Документ указан П.А. Прудовским.
- ⁸⁶ Там же, л. 6.